

УДК 34

Индивиды – субъекты экстремистско-террористической составляющей гибридных войн – угроз национальной и международной безопасности

Ляхов Евгений Григорьевич

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры международного права,
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя,
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 12;
профессор кафедры конституционного и международного права,
Российская таможенная академия,
140015, Российская Федерация, Люберцы, просп. Комсомольский, 4;
e-mail: Lyakhov@mail.ru

Лесников Геннадий Юрьевич

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
главный научный сотрудник,
Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук,
117335, Российская Федерация, Москва, ул. Гарибальди, 21;
e-mail: Lyakhov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы правового режима индивидов – субъектов (исполнителей) экстремистско-террористической составляющей гибридных войн – угроз национальной и международной безопасности. Исследуются актуальные международно-правовые проблемы терроризма, статуса отдельных индивидов-террористов и вопросы противодействия вербовке индивидов для участия в террористической деятельности. Отмечается, что для противодействия вербовке индивидов для использования их в террористической деятельности необходимо продолжать разрабатывать соответствующие международно-правовые основы, определяя основные понятия и особенности предупреждения и пресечения актов террора, совершаемых с участием различными способами вовлеченных индивидов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ляхов Е.Г., Лесников Г.Ю. Индивиды – субъекты экстремистско-террористической составляющей гибридных войн – угроз национальной и международной безопасности // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 7А. С. 484-496.

Ключевые слова

Международно-правовое сотрудничество, террористическая деятельность, насилие, индивиды, угрозы национальной и международной безопасности.

Введение

В настоящее время мировое сообщество все чаще сталкивается с вербовкой индивидов в целях вовлечения их в террористическую деятельность. Обстоятельства, при которых это происходит, различаются, подчеркнем, как во время вооружённых конфликтов, так и в мирное время.

Террористические организации выбирают индивидов для получения экономических, политических и пропагандистских выгод. Более уязвимые, чем взрослые, дети и молодёжь легче поддаются насилию, контролю и идеологическим воздействиям. Они в меньшей степени, чем взрослые, способны в полной мере осознать долгосрочные последствия своего поведения. Вербовка индивидов для участия в экстремистско-террористической деятельности в современном мире давно привлекает к себе внимание международного сообщества¹. Обстоятельства, при которых индивиды вербуются в этих целях, широко варьируются.

Индивидам, завербованным в террористические группы, могут отводиться различные роли – от непосредственного участия в экстремистско-террористических актах, таких как миссий самоубийц и исполнителей казней, до вспомогательных ролей, таких как носильщики, повара и информаторы.

В контексте вербовки индивидов для участия в экстремистско-террористической деятельности грань между добровольным и принудительным вовлечением на практике часто оказывается весьма неопределённой².

В связи с этим необходимо иметь в виду, что многие ученые отмечали, что понятия «экстремизм» и «терроризм» определить нельзя [Arnold, Kennedy, 1988]. Так, В.С. Верещетин считает, что многочисленные попытки выработать общепринятое определение международного терроризма пока не привели к положительному результату [Терроризм: психологические корни и правовые оценки («круглый стол» журнала «Государство и право»), 1995]. По мнению Х.-П. Гассера, «терроризм – это социальное явление, слишком сложное, чтобы дать ему простое практическое определение. Юристы так и не пришли к единому пониманию его значения и последствий» [Гассер, 1994].

В. Маллисон и С. Маллисон, формулируя определение террора, считают, что это систематическое использование крайнего насилия и угрозы насилием для достижения публичных или политических целей [Mallison, Mallison, 1975].

Основная часть

Терроризм представляет собой метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей, преимущественно через

¹ Report of the Secretary-General, Children and armed conflict, 20 April 2016 (A/70/836-S/2016/360).

² Дело Лубанги, МУС согласился с тем, что различие между добровольной и принудительной вербовкой является поверхностным на практике в контексте вооруженного конфликта (Ситуация в Демократической Республике Конго, по делу Прокурор против Томаса Лубанги Дьило, ICC-01/04-01/06, Международный уголовный суд (МУС), 14 марта 2012 года, п. 612.).

систематическое использование насилия. Терроризм является одним из наиболее опасных явлений современности [Айвар и др., 2005].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»³, терроризм представляет собой идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий.

При этом террористическая деятельность – это деятельность, включающая в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористических актов; подстрекательство к совершению террористических актов; организацию незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ и преступных организаций, организованных групп для реализации террористических актов, а равно участие в таких структурах; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористических актов; пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

В течение второй половины XX века были выработаны правовые национальные и международные акты, содержащие различные группы правовых норм, регулирующие насильственные действия, совершаемые государственными агентами или частными лицами. Понятия «экстремизм» и «терроризм» могут применяться и к различным актам государственного террора или терроризма, например, более десяти лет продолжающиеся бомбардировки гражданских объектов в Донецкой и Луганской областях, ныне субъектах Российской Федерации, вооруженными силами украинского преступного режима. Когда речь идет о государстве-террористе, становятся актуальными сложнейшие правовые вопросы, на уровне целых сводов правовых норм [Filippo, 2008], определяющих понятия «экстремизм» и «терроризм», их качество, как не только совершаемых индивидами, но и основными субъектами международного права.

Следует отметить, что существует некоторое противоречие между государствами и военно-политическими союзами, типа НАТО, международным гуманитарным правом и международным правом прав человека с точки зрения допустимого возраста комбатантов, что привело к отсутствию правовой защиты от вербовки в вооруженные силы государств или вооруженные оппозиционные группы наиболее уязвимой возрастной группы – детей от 15 до 18 лет. Нормы международного гуманитарного права и международного права прав человека отличаются друг от друга с точки зрения правовой защиты детей и молодежи, которые были добровольно приняты в вооруженные силы, и тех, кто выполняет функции военной поддержки, т.е. не принимают непосредственного участия в боевых действиях.

Эти пробелы и несоответствия в правовой базе защиты детей и молодежи, совершающих акты экстремизма и терроризма, искажаются в процессе эволюции правил современной практики в нормах и принципах международного обычного права. Имеются убедительные

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

доказательства того, что запрет на использование детей в возрасте до 15 лет в вооруженных конфликтах приобрел статус обычно-правового: в 2004 г. Апелляционная палата Специального суда по Сьерра-Леоне указала, что запрет на вербовку детей приобрел характер юридических велений обычного международного права⁴. Также в исследовании Международного комитета Красного Креста есть положения, подтверждающие обычно-правовой характер норм, которые направлены на предотвращение и искоренение практики использования детей-террористов в вооруженных конфликтах [Henckaerts, Doswald-Beck, Alvermann, 2005]. В исследовании отмечается, что «вербовка детей запрещена в ряде военных уставов, включая те, которые применимы в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Она также запрещена законодательством многих государств». Организация наделена мандатом работать в целях «добросовестного применения международного гуманитарного права, применимого в вооруженных конфликтах», и в целях «понимания и распространения знаний о международном гуманитарном праве, применимом в вооруженных конфликтах, и подготовки любых разработок в этой области»⁵.

Важным свидетельством запрета вербовки детей и молодёжи для участия в вооруженных конфликтах являются многочисленные резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. С 1999 г. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял девять резолюций, которые создали нормативную базу для защиты детей, затронутых вооруженными конфликтами, предоставив, таким образом, «источники информации – признанные источники права в виде государственной практики, свидетельствующей о существовании обычаев». Однако Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не только продемонстрировал доказательства практики вербовки детей для участия в вооруженных конфликтах, но и внес свой вклад в изменение понимания нормы и, следовательно, ее отождествления с обычным правом. Проблема вербовки детей и молодёжи для участия в террористической деятельности постепенно вновь приобретает актуальность в качестве проблемы, которая рассматривается как прямая угроза миру и безопасности, прежде всего, когда она связана с ведущимися США, Великобританией, НАТО неокOLONIALными «гибридными» войнами.

Международное право стремится защитить индивидов от вербовки для участия в вооруженных конфликтах. Вербовка, призыв и использование детей в вооруженных конфликтах запрещены, но в то же время международное право признает, что дети и определенного возраста молодежь могут быть полноправными участниками вооруженных конфликтов. Однако современная тенденция развития международного права направлена на то, чтобы исключить участие детей в вооруженных конфликтах, и в первую очередь в их экстремистской и террористической составляющей. Вербовка детей и молодёжи в целях вовлечения в террористическую деятельность вступает в противоречие с их естественными интересами.

⁴ Суд по Сьерра-Леоне, SCSL-2004-14-AR72(E). Апелляционная палата (31 мая 2004 года).

⁵ Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, принятый на 25-й международной конференции Красный Крест, Женева, октябрь 1986 года, статья 5 2) с) и г). Устав был принят государствами – участниками Женевских конвенций и членами Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Этот мандат был впервые предоставлен МККК статьей 7 Устава Международного Красного Креста, принятого 13-й Международной конференцией Красного Креста, Гаага, 23-27 октября 1928 года, с поправками.

В силу положений Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г.⁶, государства должны принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы военнослужащие их вооруженных сил, не достигшие 18-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях.

При этом государства, допускающие добровольный призыв в их национальные вооруженные силы лиц, не достигших 18-летнего возраста, должны предоставлять гарантии, как минимум обеспечивающие, чтобы такой призыв носил в действительности добровольный характер и производился с осознанного согласия родителей или законных опекунов; такие лица должны быть в полной мере информированы об обязанностях, связанных с несением такой военной службы; предоставлять достоверные свидетельства своего возраста до их принятия на национальную военную службу.

Следует отметить, что в значительное число операций так называемого Исламского государства, экстремистско-террористической организации, запрещённой в Российской Федерации, вовлекались дети и молодёжь. Детей вербуют для совершения взрывов бомб террористами-смертниками. В исследовании, проведенном Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) в 2017 г., «Боко Харам» – нигерийская исламистская террористическая организация, признанная запрещенной в Российской Федерации, в значительной степени полагается на использование детей в качестве террористов-смертников, что было признано одной из отличительных черт этого международного преступления [В ЮНИСЕФ встревожены использованием детей в качестве террористов-смертников в Нигерии, [www](http://www.unicef.org)].

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации определено, что совместные действия соучастников преступления не всегда предполагают выполнение всеми ими объективной стороны преступления (преступное действие или бездействие). Роли соучастников различны, что влияет на их юридическую ответственность. Данное обстоятельство зафиксировано в нормах уголовного закона. В частности, ч. 1 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации указывает, что ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Нормы Уголовного кодекса Франции, в отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляют акцессорную теорию соучастия, согласно которой все соучастники преступления несут ответственность так же, как его исполнители, независимо от выполняемых ролей.

Российское уголовное законодательство выделяет четыре вида соучастников: исполнитель; организатор; подстрекатель; пособник. В основу такого выделения положен объективный критерий – характер участия виновного в совершении преступления. Подобная классификация позволяет дать конкретную юридическую оценку действиям (бездействию) каждого соучастника преступления и максимально индивидуализировать их ответственность и наказание.

Для правильной оценки роли соучастников в теории уголовного права предложено разграничивать простое и сложное соучастие. В первом случае речь идёт о соисполнительстве (ч. 2 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации), при котором все соучастники являются

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 6. Ст. 679.

исполнителями, так как все вместе выполняют объективную сторону состава преступления. Для характеристики такого соучастия иногда используют термин «совиновничество», который означает, что все соучастники выполняют одинаковую роль в преступлении. Сложное соучастие предполагает совершение преступления соучастниками, осуществляющими разные роли и, главное, в различных по характеру группах. При этом признак совместности не исчезает – он предполагает совершение преступления всеми соучастниками, но с разных позиций, что даёт законодателю право разграничить соучастников на виды.

Правильное представление о каждом из видов соучастников имеет существенное значение. Если выяснение обязательных признаков соучастия в преступлении служит его отграничению от иных, смежных с ним форм преступной деятельности, то правильное представление о каждом из названных видов соучастников, присущих им особенностях позволяет избежать их смешения и ошибок при квалификации содеянного ими.

Исполнитель – лицо, непосредственно совершившее преступление, т.е. фактически выполнившее то деяние, признаки которого предусмотрены в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Определение законодателем исполнителя означает, что, во-первых, в содеянном должны быть признаки объективной стороны деяния, предусмотренные диспозицией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; во-вторых, в виновном отношении лица к содеянному должно найти прямое отражение то обстоятельство, что оно совместно с другими (другим) соучастниками выступило в данном конкретном случае именно как исполнитель преступления.

В отдельных случаях для наличия исполнительского действия достаточно установления в содеянном хотя бы части признаков деяния, описанного в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, если на стороне соучастника изнасилования установлено содействие совершению этого преступления путём применения насилия к потерпевшей, то он должен быть признан исполнителем (соисполнителем) независимо от того, совершал он лично половой акт или нет.

Исполнителем преступления может быть лицо, способное нести уголовную ответственность, обладающее общими признаками субъекта, а также *дополнительными признаками, обязательными для того или иного вида преступлений. Исполнителями преступления признаются и лица, которые используют для реализации преступной цели тех, кто не обладает признаками субъекта преступления (не достиг возраста уголовной ответственности или невменяемый). Подобное исполнение преступного замысла является опосредованным причинением вреда, поскольку для совершения преступления используется лицо, не подлежащее уголовной ответственности (несовершеннолетний, невменяемый), оно используется в качестве орудия или средства совершения преступления.* Аналогично следует решать вопрос об исполнителе преступления, когда используются лица, действовавшие в заблуждении, неосторожно или невиновно. Исполнителем преступления следует признать тех лиц, которые, принуждая других, находятся в состоянии крайней необходимости, достигают поставленной преступной цели либо используют для этого животных.

В ряде случаев исполнителем конкретных видов преступлений может быть специальный субъект, обладающий законодательно определёнными признаками. К таким относят лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации, должностное лицо,

представителя власти и т.п. При совершении указанными субъектами преступлений с использованием предоставленных им полномочий они будут нести ответственность за деяние против интересов коммерческих организаций, государственной власти, государственной службы или службы органов местного самоуправления как исполнители, а лица, участвовавшие совместно с ними, могут быть признаны соучастниками данных преступлений в зависимости от выполняемой ими роли при совершении деяния.

Объективная сторона преступления может исполняться одновременно несколькими лицами. В этом случае соисполнителями будут признаны и такие лица, которые хотя сами и не совершали деяний, описанных в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, но в момент совершения преступления оказывали непосредственную помощь другим соисполнителям (держали потерпевшего при избиении, убийстве и т.д.).

Субъективное (виновное) отношение исполнителя к содеянному включает в себя осознание общественно опасного характера своего поведения и присоединяющегося к нему поведения другого соучастника, предвидение общего результата от сложения усилий (интеллектуальный элемент умысла) и согласованности волеизъявления с волеизъявлением другого соучастника (волевой элемент умысла).

Субъективная сторона преступления, совершенного исполнителем, характеризуется прямым или косвенным умыслом. Исполнитель осознает общественно опасный характер своих действий, совершаемых им совместно с другими соучастниками, предвидит возможность или неизбежность наступления общего, единого для них последствия и желает или осознанно допускает наступление этого последствия.

Организатор преступления – это лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество либо руководящее ими (ч. 3 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Организатор преступления чаще всего является наиболее опасным участником преступлений совместной деятельности. Это инициатор преступления. Организатор как инициатор и вдохновитель преступления – фигура, близкая к подстрекателю, но, несомненно, более значительная.

Действия организатора могут быть подразделены на четыре основные группы: организационные действия, направленные на подготовку преступления; действия, связанные с созданием организованной группы, преступной организации или преступного сообщества; непосредственное руководство исполнителем преступления; последующее руководство созданной преступной группой.

Организация преступления заключается в сплочении участников, выработке плана совершения преступления, руководстве деятельностью соучастников. Организатор, являясь инициатором, создаёт организованную группу или преступное сообщество (склоняет участников, объединяет их, силой своего авторитета поддерживает дисциплину, сложившиеся отношения и т.д.), замышляет совершение конкретных преступлений. Инициатива может принадлежать и подстрекателю, и одному из соисполнителей, но эти участники лишь направляют умысел на совершение преступления – этим ограничивается их роль.

Организация преступлений может быть выражена и в форме осуществления руководства всей преступной деятельностью соучастников для достижения поставленных преступных целей. При этом организатор несёт ответственность за все преступления, совершенные членами

организованной группы или преступного сообщества, если эти преступления охватывались его умыслом (ч. 5 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Иногда законодатель, учитывая опасность преступлений организаторской деятельности, устанавливает повышенную ответственность в рамках статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 212). В этих случаях действия организатора должны квалифицироваться лишь по статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации без ссылки на ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исключается ссылка на ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации и тогда, когда организатор наряду с организационной деятельностью выполняет функции исполнителя преступления. В отдельных случаях организаторские действия могут выразиться в создании самой обстановки, в условиях которой осуществляется преступление в соответствии с отведённой для каждого участника ролью.

Если организатор организовал преступление или руководил его совершением, но сам не принимал участия в непосредственном выполнении объективной стороны преступления, то его действия квалифицируются по ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации и соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность исполнителя преступления.

Практика работы правоохранительных органов показывает, что деятельность организатора всегда связана хотя бы с примитивным планированием того, где когда и как создать минимум благоприятных условий или когда и как использовать ту либо иную ситуацию для совершения преступления. Виновное отношение организатора включает в себя создание общественно опасного характера своей собственной многоплановой деятельности, а также подготовленной и направляемой им деятельности исполнителя (исполнителей) преступления, предвидение общественно опасных последствий (интеллектуальный элемент умысла). Организатор действует всегда с прямым умыслом, осознает характер действий, которые должны быть выполнены участниками организованной группы или преступного сообщества, предвидит возможность совершения преступления (преступлений) в результате его деятельности и желает этого. Как правило, организатор не принимает непосредственного участия в совершении преступления, хотя данное обстоятельство вовсе не исключает возможность выполнения организатором определённых функций исполнителя.

Подстрекатель – лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путём уговора, подкупа, угрозы и другим способом (ч. 4 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Роль подстрекателя ярко выражена в его интеллектуальном участии путем склонения исполнителя к преступному деянию. Особым признаком объективной стороны подстрекателя является возбуждение у другого лица решимости на совершение конкретного преступления.

В ч. 4 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации указаны далеко не все средства и формы подстрекательства, так как дать их исчерпывающий перечень практически невозможно. Подстрекательские действия с точки зрения развития процесса причинения вреда всегда предшествуют во времени действию (бездействию) исполнителя преступления. Внутренний механизм связи подстрекателя и исполнителя заключается в том, что подстрекатель своими действиями всегда вызывает решимость у исполнителя на совершение преступления двумя основными способами: убеждение либо принуждение. При этом важно подчеркнуть, то речь идёт не об абстрактном преступлении, а о склонении лица к совершению вполне определённого и конкретного преступного деяния. Арсенал средств воздействия на исполнителя у

подстрекателя весьма разнообразен: подкуп, просьба, приказ, поручение, угрозы, физическое насилие и т.п. Однако главное заключается не в продолжении этого перечня средств подстрекательства, а в том, что оно должно быть всегда там, где, с одной стороны, лицо возбудило в другом решимость совершить конкретное преступление, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, с другой – такая решимость проявилась в подготовке либо совершении этого преступления. Только при этих условиях использование любого из названных средств может быть признано подстрекательством. Виновное отношение подстрекателя к содеянному сходно с виновным отношением исполнителя преступления. Различия состоят в том, что сознанием подстрекателя охватываются подстрекательские действия как составляющая общих с исполнителем усилий и имеет место желание достичь результата посредством деяния исполнителя.

Подстрекательство может быть осуществлено в виде приказа или устного распоряжения, адресованного подчинённым по службе. Необходимо уточнить, что лицо, отдавшее заведомо незаконный приказ, является подстрекателем или организатором, если исполнитель приказа осознает его незаконность, а если не осознает – посредственным исполнителем.

С объективной стороны подстрекательство характеризуется лишь как активное поведение, направленное на возбуждение у исполнителя решимости совершить конкретное преступление. В результате бездействия склонить кого-либо к совершению преступления невозможно, это лишь может содействовать совершению преступления, что выходит за рамки подстрекательства и является пособничеством при определённых обстоятельствах. Конклюдентное согласие либо молчаливое одобрение действий исполнителя, связанных с подготовкой преступления, не могут рассматриваться как подстрекательство к преступлению.

Субъективная сторона подстрекательства характеризуется наличием прямого умысла. Виновный сознает, что своими действиями возбуждает решимость у другого лица совершить преступление, активно направляет волю к достижению этой цели, желая совершения конкретного преступления. Прямой умысел, с которым действует подстрекатель, может быть неопределённым, что допускает склонение другого лица к совершению преступления, которое может повлечь последствия различной тяжести. Например, склонение к причинению удара, который может вызвать разнообразные последствия и даже смерть потерпевшего, должно квалифицироваться в зависимости от реально наступивших вредных последствий.

Мотивы и цели подстрекателя и исполнителя могут не совпадать по своему содержанию, что не влияет на решение вопроса о квалификации, содеянного этими лицами.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, если лицо подстрекало другое лицо или группу лиц к созданию организованной группы для совершения конкретных преступлений, но не принимало непосредственного участия в подборе её участников, планировании и подготовке к совершению преступлений (преступления) либо в их осуществлении, его действия следует квалифицировать как соучастие в совершении организованной группой преступлений со ссылкой на ч. 4 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации [Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 № 12, [www](#)].

Следующий субъект преступления – пособник – лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника либо предметы, добытые преступным путём (ч. 5 ст. 33 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Использование онлайн-коммуникаций является относительно новым средством пропаганды экстремизма и терроризма как оружия гибридных войн. Они расширяют досягаемость послания

групп лиц и проникают к потенциальным новобранцам по всему миру. Как активные интернет-пользователи, дети и молодёжь подвергаются особому риску. Особенно популярными инструментами вербовки являются социальные сети, электронная почта, чаты, электронные группы, доски объявлений, видеозаписи и приложения для мобильных устройств [Ferguson, 2016]. Один из методов, который можно определить как «груминг», основан на том, что правонарушитель узнает об интересах детей и молодежи, с тем чтобы скорректировать подход и выстроить доверительные отношения с ними. Второй метод воспроизводит «целевую рекламу»: отслеживая поведение пользователей Интернета, участники экстремистской группы могут выявить тех, кто уязвим для ее пропаганды, и адаптировать нарративы в соответствии со своей целевой аудиторией [Weimann, 2016].

Далее остановимся на понятии «гибридная война» и субъектах – ее участниках. Следует отметить, что гибридная война (англ., hybrid warfare) – вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, актов терроризма, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на его территории.

При этом военные действия могут вообще не вестись, а нападающая сторона осуществляет стратегическую координацию указанных действий, при этом правдоподобно отрицая свою вовлеченность в конфликт.

Академик РАН, 6-й секретарь Совета безопасности России А.А. Кокошин и генералы Ю.Н. Балухевский, В.И. Есин и А.В. Шляхтуров помещают «гибридную войну» на предлагаемой ими «лестнице эскалации» вооруженных конфликтов и войн на 4-ю ступень – выше «обостряющегося политического кризиса». По мнению этих авторов, неотъемлемой частью «гибридной войны» является ограниченное боевое применение военной силы (особенно сил спецопераций, а также наемников («прокси» ...) наряду с широкомасштабным использованием политических, информационно- психологических, экономических и прочих средств. При этом «гибридная война» расположена этими авторами ниже «локальной обычной войны» [Кокошин, Балухевский, Есин, Шляхтуров, 2021].

«Цветная революция» – термин, возникший для описания смены политических режимов вследствие кризиса и массовых протестов, произошедших в Грузии («Революция роз» 2003 г.), на Украине («Оранжевая революция» 2004 г.) и в Киргизии («Тюльпановая революция» 2005 г.).

В западной науке «цветные революции» рассматриваются преимущественно в контексте демократизации. Ненасильственная мобилизация населения против фальсификации выборов приводит к уходу коррумпированного и непопулярного правителя и даёт шанс на быстрый переход страны к либеральной демократии в ходе эволюции институтов гражданского общества.

«Цветные» революции – «розовые», «оранжевые» и прочие – это модернизированные технологии кампаний гражданского неповиновения и «мирных» переворотов, модель которых была применена в Грузии и Украине [Котляр, 2007].

Существо гибридной войны раскрывается при анализе ее базовой стратегии, которая построена на изморе, истощении противника. Цель заключается в полном разрушении национальной субъектности государства – объекта агрессии и последующим переводе его (или того, что от государства останется) под внешнее управление. Своеобразным антиподом стратегии измора выступает стратегия сокрушения, которая в существенной мере отражает особенности цветной революции. Цветная революция (или несколько цветных революций в

одной стране, как это было, например, на Украине в 2004 и 2014 гг.) служит своеобразным катализатором, ускорителем событий по трансформации государства-жертвы в ходе непрямого противоборства на стадиях мира и вооруженного конфликта [Бартош, 2016].

Некоторые наиболее опаснейшие формы гибридной войны разрабатываются и используются военно-политическими блоками (типа НАТО) и государствами, опирающимися в своей борьбе за лидерство в современном мире на человеконенавистнические идеологии: неокOLONиализм, неонацизм и др., обманом и подкупом формируя целые группы и организации субъектов – исполнителей актов терроризма – особо опасной составляющей такого рода вооруженных конфликтов, способных привести мир к ядерному катаклизму.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что для противодействия вербовке индивидов для использования их в террористической деятельности представляется необходимым продолжать разрабатывать соответствующие международно-правовые основы, уже определяя основные понятия и особенности предупреждения и пресечения актов террора, совершаемых с участием различными способами вовлеченных индивидов, в частности не достигших по разному определяемого в национальном (внутригосударственном) законодательстве понятия «совершеннолетие».

Библиография

1. Айвар Л.К. и др. Терроризм. Правовые аспекты борьбы: норматив, и междунар, правовые акты с коммент. М.: Эксмо, 2005. 503 с.
2. Бартош А. Цветные революции и гибридные войны современности // Независимое военное обозрение. 2016. 22 января. URL: https://nvo.ng.ru/gpolit/2016-01-22/1__revolutions.html (дата обращения: 12.03.2024).
3. В ЮНИСЕФ встревожены использованием детей в качестве террористов-смертников в Нигерии. URL: <https://news.un.org/ru/story/2017/08/1309661> (дата обращения: 16.02.2024).
4. Гассер Х.-П. Запреты на акты террора в международном гуманитарном праве // Международный Комитет Красного Креста. 1994. 15 с.
5. Кокошин А.А., Балувский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. М.: ЛЕНАНД, 2021. 88 с.
6. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 54 с.
7. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 № 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/?ysclid= (дата обращения: 12.03.2024).
8. Терроризм: психологические корни и правовые оценки («круглый стол» журнала «Государство и право») // Государство и право. 1995. № 4. С. 20-43.
9. Arnold T., Kennedy M. Think about terrorism. The New Warfare. N.Y., 1988.
10. Dejan M. Vudinic. Psiholosko ratovanje u prostoru drustvenih informacionih medija – aspekt hibridnog ratovanja // Vojno delo. 2017. № 7.
11. Ferguson K. Countering violent extremism through media and communication strategies: a review evidence. 2016.
12. Filippo M.D. Terrorist crimes and international cooperation: Critical remarks on the definition and inclusion of terrorism in the category of international crimes // European Journal of International Law. 2008. No. 19.
13. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L., Alvermann C. (eds) Customary International Humanitarian Law: Rules. Vol. 1. Cambridge University Press, 2005. 689 p.
14. Mallison W.T., Mallison S.V. The Concept of Public Purpose Terror in International Law // Journal of Palestine Studies. 1975. Vol. IV. No. 2. P. 36-41.
15. Weimann G. The emerging role of social media in the recruitment of foreign fighters, in Foreign Fighters under International Law and Beyond. Asser Press, 2016. 19 p.

Individuals – subjects of extremist-terrorist component of hybrid wars – threats to national and international security**Evgenii G. Lyakhov**

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of International Law,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
117997, 12, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Constitutional and International Law,
Russian Customs Academy,
140015, 4, Komsomol'skii ave., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: Lyakhov@mail.ru

Gennadii Yu. Lesnikov

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Chief Researcher of the Center for Security Research,
Russian Academy of Sciences,
117335, 21, Garibal'di str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Lyakhov@mail.ru

Abstract

The article examines the issues of the legal regime of individuals – subjects (perpetrators) of the extremist-terrorist component of hybrid wars – threats to national and international security. The article examines current international legal issues of terrorism, the status of individual terrorists and issues of counteracting the recruitment of individuals to participate in terrorist activities. It is noted that in order to counteract the recruitment of individuals for use in terrorist activities, it is necessary to continue to develop the relevant international legal framework, defining the basic concepts and features of preventing and suppressing acts of terrorism committed with the participation of individuals involved in various ways.

For citation

Lyakhov E.G., Lesnikov G.Yu. (2024) *Individy – sub"ekty ekstremistsko-terroristicheskoi sostavlyayushchei gibridnykh voyn – ugroz natsional'noi i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Individuals – subjects of extremist-terrorist component of hybrid wars – threats to national and international security]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (7A), pp. 484-496.

Keywords

International legal cooperation, terrorist activity, violence, individuals, threats to national and international security.

References

1. Aivar L.K. et al. (2005) *Terrorizm. Pravovye aspekty bor'by: normativ, i mezhdunar, pravovye akty s comment* [Terrorism. Legal aspects of the fight: normative and international legal acts with comments]. Moscow: Eksmo Publ.
2. Arnold T., Kennedy M. (1988) *Think about terrorism. The New Warfare*. N.Y.
3. Bartosh A. (2016) Tsvetnye revolyutsii i gibrnidnye voiny sovremennosti [Color revolutions and hybrid wars of our time]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent Military Review], January 22. Available at: https://nvo.ng.ru/gpolit/2016-01-22/1__revolutions.html [Accessed 12.03.2024].
4. Dejan M. Vudinic (2017) Psiholosko ratovanje u prostoru drustvenih informacionih medija – aspekt hibridnog ratovanja. *Vojno delo*, 7.
5. Ferguson K. (2016) *Countering violent extremism through media and communication strategies: a review evidence*.
6. Filippo M.D. (2008) Terrorist crimes and international cooperation: Critical remarks on the definition and inclusion of terrorism in the category of international crimes. *European Journal of International Law*, 19.
7. Gasser H.-P. (1994) Zaprety na akty terrora v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Prohibitions on Acts of Terror in International Humanitarian Law]. *Mezhdunarodnyi Komitet Krasnogo Kresta* [International Committee of the Red Cross].
8. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L., Alvermann C. (eds) (2005) *Customary International Humanitarian Law: Rules*. Vol. 1. Cambridge University Press.
9. Kokoshin A.A., Baluevskii Yu.N., Esin V.I., Shlyakhturov A.V. (2021) *Voprosy eskalatsii i deeskalatsii krizisnykh situatsii, vooruzhennykh konfliktov i voin* [Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars]. Moscow: LENAND Publ.
10. Kotlyar V.S. (2007) *Mezhdunarodnoe pravo i sovremennye strategicheskie kontseptsii SShA i NATO. Dokt. Diss. Abstract* [International law and modern strategic concepts of the USA and NATO. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
11. Mallison W.T., Mallison S.V. (1975) The Concept of Public Purpose Terror in International Law. *Journal of Palestine Studies*, IV (2), pp. 36-41.
12. *O sudebnoi praktike rassmotreniya ugovolnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastii v nem (nei): postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10 iyunya 2010 № 12* [On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 No. 12]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/?ysclid= [Accessed 12.03.2024].
13. *Terrorizm: psikhologicheskie korni i pravovye otsenki («kruglyi stol» zhurnala «Gosudarstvo i pravo»)* [Terrorism: psychological roots and legal assessments (round table of the journal "State and Law")] (1995). *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 4, pp. 20-43.
14. *V YuNISEF vstrevozheny ispol'zovaniem detei v kachestve terroristov-smertnikov v Nigerii* [UNICEF is alarmed by the use of children as suicide bombers in Nigeria]. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2017/08/1309661> [Accessed 16.02.2024].
15. Weimann G. (2016) *The emerging role of social media in the recruitment of foreign fighters, in Foreign Fighters under International Law and Beyond*. Asser Press.